

возникает необходимость скорейшего переселения в Крым новых жителей для восстановления экономики и дальнейшего освоения земель полуострова и усиления пограничных районов России. При непосредственном руководстве Г.А. Потемкина Таврическим областным правлением в Крым были переселены из центральных русских губерний уволенные в отставку солдаты, старообрядцы, калмыки с Волги, архипелажские греки, поляки, немцы, болгары, итальянцы, румыны и др.

Таким образом, отметим, переселение крымских греков и другого христианского населения привело к изменению этнического облика Крыма в конце XVIII в. и значительно повлияло на экономическое и социальное развитие полуострова и Новороссии.

Список литературы:

1. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1999. – 132 с.
2. Гавриил, архиеп. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфийской и Кафийской епархии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. – 1844. – Т.1. – С.197 – 204.
3. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775 – 1800 гг. – М.: Наука, 1959. – 280 с.
4. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. – СПб., 1885. – Т.2. – 924 с.
5. Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX вв. (Екатеринославская и Херсонская губернии). – М.: Наука, 1976. – 308 с.
6. Мурзакевич Н.Н. О заселении Новороссийского края // Одесский вестник. – 1836. – №1. – С.9 – 12.
7. Наулко В.И. Современный этнический состав населения Украинской ССР // Советская этнография. – 1963. – №5. – С.46-59.
8. Петрушевский, А. Генералиссимус князь Суворов. – СПб, 1884. – Т.1. – 260 с.
9. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). – М., 1909. – 340 с.
10. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь, 1888. – 132 с.
11. Секиринский С.А. Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Советская тюркология. – 1988. – № 4. – С.87-97.
12. Серафимов С.А. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. – Екатеринослав, 1901. – 46 с.
13. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края (1730 – 1795). – Одесса, 1836. Ч.1. – 290 с.
14. Тимошевский Г.И. Основание г. Мариуполя и некоторые данные к его истории // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С.63-95.
15. Ялі С.Г. До історії грецької колонізації на Україні // Краєзнавство. – 1928. – Ч.6-10. – С.57-68.

СЛЕДЫ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ В СИМВОЛИКЕ ОБРЯДОВЫХ ПОВОРОТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА (НА МАТЕРИАЛАХ ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ)

Сподина Виктория Ивановна

доктор ист. наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск*

TRACES OF CALENDAR SYSTEMS IN THE SYMBOLISM OF RITUAL TURNS: TO THE PROBLEM STATEMENT (BASED ON THE MATERIALS OF THE OB UGRIC AND SAMOYED PEOPLES)

Spodina Victoria Ivanovna

Doctor of Historical Sciences

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Khanty-Mansiysk*

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2020.3.54.205](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.3.54.205)

Аннотация

Статья посвящена символике обрядовых поворотов, которая вписывается в общую концепцию бинарных оппозиций, при которой повороты посолонь рассматриваются как положительно направленные, а против хода солнца – как зловердные действия. Цель статьи состоит в том, чтобы кроме аксиологического, выделить ещё один аспект ритуальных поворотов жертвоприношений богам – темпоральный. Представленные материалы позволяют высказать гипотезу о том, что повороты влево следует рассматривать как разрыв профанного времени и вхождение в сакральное пространство-время. Такие действия могли служить проявлением лунарной модели ориентации.

В качестве основополагающего методологического принципа в работе применялся системный (или структурный) подход к изучению элементов культуры, сформулированный Ю. М. Лотманом, а также

метод интерпретаций, основоположником которого является К. Гирц.

Abstract

The article is devoted to the symbolism of ritual turns, which fits into the general conception of binary oppositions, in which clockwise turns are considered as positively directed, and counterclockwise turns are as malicious actions. The objective of the article is to distinguish the temporal aspect of the ritual turns of sacrifices to the gods in addition to axiological one. The presented materials allow us to hypothesize that turns to the left should be considered as a break in profane time and entering the sacred space-time. Such actions could serve as manifestation of the lunar orientation model.

As a fundamental methodological principle, the work applies a systematic (or structural) approach to the study of cultural elements, formulated by Yu. M. Lotman, as well as the method of interpretation, the founder of which is K. Geertz.

Ключевые слова: традиционная культура, обские угры, самодийцы, ритуальные повороты, сакральное время, лунная календарная ориентация.

Keywords: traditional culture, Ob Ugric people, Samoyed people, ritual turns, sacred time, lunar calendar orientation.

Один из ведущих специалистов в отечественной исторической уралистике В. В. Напольских в послесловии к своей монографии [4] ратует за развитие альтернативных точек зрения, которые должны побуждать исследователя к расширению перспектив поиска и избавлять от профессиональной узости взглядов. Этот посыл учёного в полной мере можно отнести к обрядовым действиям, и в частности, к направлениям поворотов. Традиционно как в этнографической литературе, так и в полевой практике, акцентируется внимание на аксиологическом аспекте обрядовых поворотах [1, с. 119-121; 6, с. 66; 14]. Оппозиции «правый-левый» выражается в том, что у обских угров правая сторона считается хорошей, сакрально чистой, а левая наделена отрицательными характеристиками и соответствует женскому началу, как сакрально нечистому. Она ассоциировалась с несчастьем и неблагоприятием, а по мнению Маргарет Хертц, леворукость ещё является признаком слабости и зла [20]. В отличие от хантов, ненцы верили, что правая сторона, наоборот, считается «плохой», так как при походе «в тёмную землю» умерший ведёт оленей направо [2, с. 93]. По этой же причине покойники в Нижнем мире садятся на нарты с правой стороны, а не с левой, как на земле. Данный фрагмент лишь подтверждает предостережение Эдмунда Лича о том, что «излишне упрощенные выводы на этот счет следует применять с осторожностью» [3, с. 67].

В конце XX столетия на Северной Сосьве наш информант С. А. Попова была свидетелем поворота противосолонь при проведении обряда в честь родового духа поселения *Павлың ойки*, совершённого сразу после молитвы-обращения к богам Т. К. Самбиндалова (д. Нильдино. ХМАО-Югра, 2016). Отец Тимофея Константиновича был знаком мансийских традиций, а его брат слыл *н̄йт хум* 'ом 'знающим человеком' (шаманом). Курьёзность ситуации была в том, что большинство присутствующих повернулось в противоположную сторону, что создало толчею и неразбериху. Несколько лет спустя, Попова дала этому интересному факту следующую интерпретацию: «В начале обряда надо войти в иное (мифоритуальное) время и состояние (поворот

против часовой стрелки), а в конце обряда совершить движение по часовой стрелке, чтобы вернуться в своё (профанное) время» [Устное сообщение С. А. Поповой. Ханты-Мансийск. 2018].

Первые повороты означали вход в святилище, в мир божеств. Хранитель священного места или руководитель обряда, должен войти в контакт с духом или божеством, поэтому, перед «общением» поворачиваются вокруг себя влево. Движением противосолонь извещали духа о намерении мужчин прийти к нему на святилище для проведения обряда в его честь, либо при посещении кладбища, чтобы иметь возможность общаться с покойным. Заметим, что и оленью упряжку для покойного северные ханты «кружат против хода солнца, время для умершего уже идёт вспять» [14, с. 130-140].

В ряде случаев посещение святого места обставилось как уход в потусторонний мир. В Вежакарах, например, каждый раз при сборах и уходе мужчин на культовое место женщины, согласно традиции, они должны закрыть платком лицо и, имитируя плач, проводить их, уезжающих на лодках (санях) на отправление обряда как на смерть. Связано это с тем, что, по представлениям манси, идущие на святилище мужчины являются избранниками; они от имени всего народа идут на поклонение к духу-предку, который пребывает в ином мире. Для того, чтобы они смогли вернуться назад живыми и невредимыми, необходимо соблюсти все каноны, связанные с погребальной обрядностью» [5, с. 69].

Вход в иной мир, для призвания из него духов болезней, также совершается посредством поворотов против солнца. «Есть одна категория шаманов – «*шепан*». Они не излечивают, а передают болезни и беды на других людей. Они поворачиваются при обрядах против солнца» [Устное сообщение Т. В. Семёновой и Е. Н. Анямовой, п. Саранпауль. 2018]. Относительно движения против часовой стрелки информанты сообщили, что такое движение нацелено против нечистой силы» [Устное сообщение М. А. Тростиной, О. С. Лапохиной, Саранск, Мордовский госуниверситет. 2019].

Лесные ненцы верили, что попасть в Нижний мир к его главному духу *Кавшаң* с возможно с помощью поворотов жерди, «охраняющей» очаг в

чуме (*чэн*), против движения солнца. Эти действия рассматривались в качестве ворожбы, насылающей что-то недоброе [10, с. 32-33]. Примечательно, что ненцы, «перед началом камлания чум окуривали с внешней стороны, обходя его против движения солнца [17, с. 25-28].

Иногда повороты влево не исполняются, а представляются. Например, мужчины во время Медвежьего праздника целуют левую сторону головы медведя, явно не от того, что это сердечная сторона, а потому, что медведь – это дух-предок, он принадлежит иному, сакральному пространству-времени и они, таким образом (через левую сторону), могут «общаться» с ним.

Иными словами, повороты влево во время обрядовых действий имели целью установление контакта с иным миром, отличным от повседневного, которое имеет совершенно иную «природу». Это некое первичное, освященное богами, Время. Обряд позволял воссоздать мифический момент начала существования мира, погрузиться в «чистое», «сильное» и священное время» [18, с. 50, 55]. Этот вывод М. Элиаде подтверждает мысль Э. Лича о том, что цель обрядовой деятельности «заключается в том, чтобы в начале церемонии осуществить переход от нормального к аномальному времени, а в конце её – переход от аномального к нормальному времени» [3, с. 102]. Такой же процесс «р а з р ы в а профанного времени и пространства» был характерен для обрядовых действий тюрков Южной Сибири [15, с. 32].

Главное различие между этими двумя качествами Времени, на первый взгляд, поразительно: Священное Время по своей природе обратимо, в том смысле, что оно буквально является первичным мифическим Временем, преобразованным в настоящее. Всякий церковный праздник, всякое Время литургии представляют собой воспроизведение в настоящем какого-либо священного события, происходившего в мифическом прошлом, «в начале». Религиозное участие в каком-либо празднике предполагает выход из «обычной» временной протяженности для восстановления мифического Времени, выведенного в настоящее самим праздником. Таким образом, Священное Время может быть возвращено и повторено бесчисленное множество раз. С некоторой точки зрения о нем можно сказать, что оно не «течет», что оно не составляет необратимой «протяженности». Это в высшей мере онтологическое «парменидово» время*: оно всегда равно самому себе, не изменяется и не утекает [18, с. 48].

1. На наш взгляд разрыв и перекодирование пространства-времени, происходил посредством поворотов влево, что являлось отголоском доминирования лунарной календарной ориентации над солнечной. По мнению Фр. Река, изначально у человечества господствовала ориентационная практика, основанная на наблюдении за месячным движением Луны. Зарождение месяца на западе, его увеличение вплоть до полнолуния на юге и

затем уменьшение к востоку, где он пропадает (на севере месяц не появляется совсем), давала опору для ориентации по странам света. Фр. Рек лунарные культы и календари считал первичными в архаических культурах Евразии, а солярные – поздним проявлением [21, с. 255-302]. Б. А. Фролов также приходит к выводу, что «именно с движением Луны сопряжены самые древние календарные единицы, а первобытная мифология мира к Луне в целом обращается гораздо чаще, чем к Солнцу» [16, с. 12]. Следы таких лунарных календарей зафиксированы и в архаических культурах народов Сибири. З. П. Соколова, на основании анализа опубликованных данных XIX – XX вв. (А. Алквист, В. Штейниц, С. И. Руденко, У. Т. Сирелиус, Н. И. Терёшкин, В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина) заключает, что «обско-угорский календарь был лунным и раньше состоял из 13 месяцев» [12, с. 74; 8, с. 201; 13, с. 130]. О сопряжении древних календарных систем с движением Луны указывал М. Элиаде: «Время, управляемое и измеряемое фазами луны, можно назвать «живым» временем. Оно связано с реальностью жизни и природы, дождями и приливами, временами сева, менструальным циклом» [19, с. 155]. Заметим, что в языках обских угров и самодийцев названия Луны и календарного месяца совпадают, что отражает сложившуюся практику лунного времясчисления: *ики*, *тыльесь* (хант.), *□тпос* (манс.), *ири* (нен.). Следует уточнить, что манси применяли для обозначения промежутка времени, равного месяцу, две лексемы: *□тпос* и *□нхуп*. Первичным вариантом является определение *□нхуп*, что в буквальном переводе обозначает «вращающийся» («круговой оборот» как полный цикл луны). Т. Д. Слинкина указывает, что в этой лексеме заложено ещё одно значение – «поворот временного или сезонного цикла» [9, с. 368].

Универсальность самого названия месяца в разных языках по лунному циклу позволяет предположить, что уже на ранней стадии счисления времени люди определяли этот естественный его отрезок. Со временем солярный календарь вытеснил лунный; причиной послужили, по-видимому, потребности усложнявшегося производящего хозяйства, которые надёжнее удовлетворялись с помощью ориентиров движения Солнца [16, с. 30]. Возможно предположить, что эта ситуация отразилась и на исчезновении из обрядовой практики на священных местах поворотов влево.

Выводы

Таким образом, рассмотрев семантику ритуальных поворотов, связанных с движением влево, следует констатировать, что они сохранились лишь в похоронной обрядности обских угров и самодийцев. Отголосок поворотов влево в сопроводительных действиях, связанных с отождествлением ухода мужчин на святое место как на смерть (похоронный обряд), может рассматриваться как рефлексия, как символические действия по моделированию начального

сакрального Времени. Поворотами влево проводящий обряд открывал мир сакрального, а по его окончании поворотами вправо возвращалось своё, бытово, время. Следовательно, повороты противосолонь, обладали огромной магической силой, наделённой способностью к инверсии. Семантически они укладывались в логику лунарной календарной ориентации, которая с течением времени была вытеснена солнечной.

Такая гипотеза вполне могла быть реализованной в обрядовой практике. В этом нас замечание З. П. Соколовой о том, что «религиозный смысл многих обрядов утрачен, обрядовая сторона вообще соблюдается не везде, и не всегда, чаще лишь в некоторых деталях» [11, с. 228]. Иными словами, повороты вокруг себя влево, как вход в иное пространство для «общения» с духами, вполне могли затеряться в лабиринтах памяти, как исчезла из обрядов «свистящая речь» в качестве аналога диалога с богами при утрате навыков сакральной речи. На нивелирование религиозного значения повторения образцовых актов творения обратил внимание М. Элиаде. «Периодическое освящение космического Времени становится в этом случае бесполезным и незначимым» [18, с. 72].

Вполне осознавая, что повороты влево при обращении к богам исчезли из обрядовой практики обских угров и самодийцев, там не менее единственный случай и его интерпретация информантом, вполне заслуживают внимания и дальнейших разысканий. А. М. Сагалаев заметил, что «современность не менее богата мифопорождающими ситуациями, нежели средневековье, и право носителя этнической культуры – давать свою интерпретацию тому или иному факту» [7, с. 11].

Литература:

1. Васильев В. И. Обрядовая сторона представлений, связанных с рождением ребёнка и свадьбой, у ненцев и энцев низовьев Енисея // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Сибири. – М., 1990.
2. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
3. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
4. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997.
5. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
6. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура: По данным фольклора и обрядов. – Сургут: Северный Дом, 1993.
7. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
8. Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
9. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011.
10. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. – Новосибирск: Арга, 2001.
11. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: МАЭ, 1971. Вып. 27.
12. Соколова З. П. Времьчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М.: Наука, 1990.
13. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009.
14. Талигина Н. М. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Вып. 2.
15. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. *Человек. Общество* / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
16. Фролов Б. А. Происхождение календаря // Календарь в культурах народов мира. – М., 1993.
17. Хомич Л. В. Шаманы у ненцев // Сборник ранних научных статей. – Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2008.
18. Элиаде Мирча. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
19. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999.
20. Hertz R. Death and the Right Hand. – New York: Cohen & West, 1960.
21. Röck F. Die kulturhistorische Bedeutung von Ortungsreihen und Ortungsbildern. Bin Beitrag zur vergleichenden Chronologie // Anthropos. Internationale Zeitschrift für Volker – und Sprachenkunde. 25. Vien, 1930.